

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И БАЗОВЫЕ ПОНЯТИЯ

В последнее десятилетие, вместе с осознанием необходимости изучать язык как живую речетворческую деятельность ("энергейю", по В. фон Гумбольдту) (4), создающую как сам язык, так и языковое самосознание языкового коллектива и отдельной личности, в лингвистике наметился переход на антропологическую парадигму исследования. В центр внимания исследователей помещается комплекс проблем, касающихся взаимодействия человека и его языка. Можно говорить о возникновении, в рамках этой парадигмы, новой гуманитарной дисциплины, предметом которой является комплекс проблем "язык и культура в их взаимосвязи и взаимодействии".

Эти штудии представлены тремя основными направлениями: лингвокультурологией, этнолингвистикой и лингвострановедением.

Нюансы определений лингвокультурологии и понимания ее предмета, представленные в работах разных ученых, а также роль лингвострановедения, развивающегося преимущественно через жанр лингвострановедческих словарей, описаны в обзоре И.Г.Ольшанского (см. с. 9-25 настоящего сборника).

В данном обзоре мы остановимся на том понимании проблематики лингвокультурологии, которое развивается семинаром, работающим при Институте языкознания РАН под руководством проф. В.Н.Телия. Семинар ставит перед собой как теоретические, так и прикладные - лексикографические задачи. В фокусе внимания поиск методов, позволяющих формализовать экспликацию культурной информации, присутствующей в номинативных единицах языка - лексических и фразеологических, и зафиксировать

данный тип информации в словарях. Разрабатывается аппарат понятий, которые позволили бы анализировать взаимосвязь и взаимовлияние двух разных семиотических система - языка и культуры — в их динамике.

В начале будет уместным остановиться на вопросе: что именно отличает лингвокультурологию, как она понимается нами, от успешно развивающихся этнолингвистики и лингвострановедения?

Н.И.Толстой определил этнолингвистику как направление в языкознании, исследующее "соотношения и связи языка и духовной культуры языка и народного менталитета, языка и народного творчества, в их взаимозависимости и разного рода корреспонденции" (20, с. 182). Программа этнолингвистики осуществляется в настоящее время в исторической ретроспективе и преимущественно на материале славянских языков. Ее материал — фольклорные тексты, ритуалы религиозного и бытового характера, ее цель — реконструкция по этим данным культуры этноса и воплощенного в его языке языкового образа мира (11; 26).

Лингвокультурология, наоборот, ориентирована на изучение корреспонденции языка и культуры в их синхронном взаимодействии. В.Н.Телия определяет лингвокультурологию как дисциплину, исследующую "прежде всего живые коммуникативные процессы и связь используемых в них языковых выражений с синхронно действующим менталитетом народа" (19,с. 218). С другой стороны, Лингвокультурология отличается от этнолингвистики материалом и целью: она не нацелена исключительно на выявление народных стереотипов, дающих доступ к "фольклорной", этнической картине мира. Ее цель - то, что можно назвать обыденной картиной мира, представленной в повседневной речи носителей языка и имеющей "фундамент" и корреляции в различных дискурсах (литературном, философском, религиозном, фольклорном и т. д.) и в разных (при этом не только в вербальном) текстах культуры. Не будучи этнической, языковая картина мира, являющаяся объектом лингвокультурологии, не является и сугубо национальной. Культурная информация, закодированная в языковых единицах, далеко не обязательно ограничена рамками одного языка и национально-специфическими средствами выражения. Так, один из самых мощных источников культурной маркированности и культурной информации в идиоматике и образных значениях языка - Библия - присутствует в культуре и языках разных народов,

признающих Ветхий и Новый Заветы Священными книгами, поэтому многочисленны фразеологизмы, восходящие к религиозному дискурсу и имеющие в разных языках одинаковые образные основания: ср. "испить горькую чашу", "испить чашу до дна" и фр. *boire le calice jusqu'a lie*, "соль земли" и фр. *sel de la terre*, англ. *the salt of the Earth*. Столь же "межнациональным", оказавшим и оказывающим воздействие на языки разных лингвокультурных общностей и, через языки, — на менталитет, представляется и другой важный источник культурной информации в языковых знаках: мифология, в значительной степени обусловившая мотивацию образных значений и их сочетаемость (19; 25; 30).

Материалом и способом толкования культурной информации лингвокультурология отличается и от лингвострановедения. Главная установка страноведчески ориентированных концепций и словарей состоит в выявлении и описании круга лексических и фразеологических единиц, обозначающих культурно маркированные реалии, то есть факты материальной, социальной жизни, истории, которые являются собственно национальными. Лингвострановедение оперирует понятием фоновых знаний, под которыми понимается внеязыковая информация, в том числе культурно значимая, присутствующая в языковом знаке в качестве особых семантических долей его значения (3). Через понятие фонового знания единицы языка соотносятся с фактами культуры. Таким образом, в реестр лингвострановедения включены те единицы языка, которые имеют во внеязыковой действительности "реальный" прототип в пространстве или во времени (см. также обзор И.Г.Ольшанского, с. 9 и далее).

Лингвокультурология же не ограничивается тем набором единиц, культурный компонент в содержании которых может быть выявлен через историко-этимологическую "подоплеку" и стремится к экспликации культурно-национальной значимости единиц, которая достигается на основе соотнесения их значений с концептами (кодами, установками) общечеловеческой или национальной культуры (19; 30). С этих позиций культурно значимыми оказываются не только языковые единицы, обозначающие культурно маркированные реалии, но и те, в которых культурная информация "залегает" на более глубинном уровне семантики. Например, серия фразеологических словосочетаний со словом "раб", выступающим в метафорическом связанном значении, - "раб страстей", "раб

желаний", "раб корыстолюбия", "раб привычек", "раб моды" — рассматривается с этой точки зрения как несущая культурно значимую информацию. Этот тип информации "достается" через корреляцию данной группы фразеологизмов с двумя, по крайней мере, установками культуры: во-первых, с установкой духовно-религиозной культуры, воплощенной в термине "раб Божий", восходящем к религиозному дискурсу; во-вторых, с категорией личности в современной культуре, где ее основными "эталонными" атрибутами считаются самостоятельность суждений и свобода выбора. Ни одна из этих двух прескрипций культуры не реализуется субъектом данных словосочетаний, отсюда эмотивная модальность осуждения, свойственная всем этим фразеологизмам (19).

Таким образом, основным методом анализа языковых знаков в лингвокультурологии, ведущим способом экспликации заключенной в них культурной информации, другими словами — экспликации их культурной значимости, является процедура соотнесения групп или массивов языковых знаков со знаками (категориями, таксонами) культуры. Именно массивы номинативных единиц, лексических и фразеологических, функционирующих в том или ином языке, манифестируют значимость определенных установок культуры для той или иной лингвокультурной общности. Культурная информация "рассеяна" в языке, она осознанно или неосознанно воспроизводится носителями языка, употребляющими языковые выражения в определенных ситуациях, с определенными интенциями и с определенной эмотивной модальностью. Задача исследователя состоит в интерпретации денотативного или образно мотивированного аспектов значения языковых знаков в категориях культуры, т.е. в соотнесении единиц системы языка с единицами культуры (там же).

Итак, лингвокультурология может быть определена как гуманитарная дисциплина, изучающая воплощенные в живой национальный язык и проявляющиеся в языковых процессах материальную и духовную культуру. Предмет лингвокультурологии — корреспонденции языка и культуры в их синхронном взаимодействии, т.е. на современном этапе или на определенных синхронных срезах их развития, и в национальном и общечеловеческом измерении (а не сугубо этническом).

Цель лингвокультурологии состоит в изучении способов, которыми язык воплощает в своих единицах, хранит и транслирует

культуру. В рамках описываемой концепции считается, что в процессе взаимодействия и взаимовлияния языка и культуры первый выполняет не только кумулятивную, но также и транслирующую функцию. Язык не только закрепляет и хранит в своих единицах концепты и установки культуры: через него эти концепты и установки воспроизводятся в менталитете народа или отдельных его социальных групп из поколения в поколение. Через функцию трансляции культуры язык способен оказывать влияние на способ миропонимания, характерный для той или иной лингвокультурной общности.

Эта гипотеза перекликается с концепцией Л.Вейсгербера о языке как промежуточном мире между познающим субъектом и реальностью. Поскольку концептообразование, по Вейсгерберу, возможно лишь средствами родного языка, его внутренние формы определяют стиль миропонимания (2).

Данная точка зрения находит подтверждение, в частности, в формировании и распространении новых фразеологизмов, основанных на "старых" стереотипах сознания, в современном русском языке. Таковы, например, устойчивые словосочетания, характеризующие "интеллектуальную продукцию" низкого качества через атрибуты "бабий", "женский": "бабья политика", "бабий ритм" (обозначение из профессионального арго музыкантов), "женские стихи", "женский фильм", "женская логика". Эти словосочетания восходят к стереотипу, прямо выраженному во фразеологизме "глупая баба" и запечатленному также в ряде русских пословиц: "у бабы волос долог, а ум короток", "курица не птица, баба не человек", ср. также "у нее мужской ум" — об умной женщине, интеллект которой проявляется не только в житейской, бытовой сфере (19).

Эти примеры выявляют свойства установок культуры, которые необходимо отметить особо. Культурно-национальные установки обычно не носят "абсолютного" характера. Это означает, что в пределах одной лингвокультурной общности сосуществуют различные, иногда — противоположные по оценке одного и того же явления стереотипы сознания. Так, в русском языке отображены и другие, положительные черты женщины: это "верная жена", "верная подруга", "женщина-мать", ср. также "женская нежность", "женская интуиция", где "женскость" кодирует эталоны положительно оцениваемых качеств. Как отмечено В.Н.Телия, стереотип "глупой бабы" характерен в основном для мужского обыденного сознания, а в

языке самих женщин воплощающие данный стереотип языковые знаки — устойчивые словосочетания, идиомы, поговорки — появляются скорее как цитации из мужского языка (там же). Знаменательно, что фразеологизмы, воплощающие идеал женщины, "верная супруга и добродетельная мать" получили распространение в русском языке как цитации из языка самой женщины: они известны носителям русского языка как отрывок из письма Татьяны в "Евгении Онегине".

Таким образом, миропонимание народа на каждом синхронном срезе его истории не является однородным: культурно-национальная "палитра" характеризуется множественностью установок, осмыслением сходных ситуаций или явлений с разных позиций, так что в фокус говорящих на каком-либо языке попадают различные стороны ситуации или разные ипостаси явления. Стереотипы, как правило, принадлежат не всему народу в целом, а каким-то определенным его социальным группам.

Соответственно, разноплановой, "пестрой", отображающей различие в существующих в менталитете лингвокультурной общности установок и ценностей культуры, является и языковая картина мира. Языковая картина мира понимается здесь как система ценностных ориентации, закодированная в ассоциативно-образных комплексах языковых единиц и восстанавливаемая исследователем через интерпретацию ассоциативно-образных комплексов посредством обращения к обусловившим их знакам и концептам культуры (13). Языковая картина мира предполагает наличие у носителей языка определенного набора общих фоновых знаний, связывающих культурно маркированные единицы языка с "квантами" культуры. В прямом виде эта связь выражена, в эвалюативной метафоре и в образующихся с ее участием фразеологизмах и устойчивых сравнениях: так, для носителей русского языка "осел" — эталон глупости и глупого упрямства ("глуп, как осел", "ослиное упрямство"); "базар" - эталон некультурного поведения, или общения, построенного на принципе "кто кого перекричит" ("орать как на базаре", "базарный тон"). Языковая картина мира, однако, представляет собой категорию лингвистики декодирования. Сама по себе она еще не позволяет описывать режим и механизмы кодирования субъекта речи культурными пресуппозициями, позволяющими правильно и уместно пользоваться существующими в языке средствами выражения и порождать новые. Между тем,

исследование этих механизмов способствовало бы выявлению средств трансляции и эволюции культуры, установлению соотношения в ней традиций и инноваций.

В качестве единицы лингвистики декодирования было предложено понятие коллективной культурной идентичности. Коллективная культурная идентичность определяется как результат интенции субъекта, познающего мир вокруг себя и собственное "я", ассоциировать себя с каким-либо сообществом, а также как результат действий, направленных к данной цели. При этом имеются в виду действия как вербальные, так и невербальные. Идентификация предполагает апелляцию к традиции, к авторитету, воплощенным, в том числе, в формах культурно-языкового контекста, диктующего личности определенные законы поведения в тех или иных условиях и ситуациях. Важно подчеркнуть и тот момент, что подобная идентификация может быть как осознанной, так и неосознанной, как, например, в случае с обретающим языковую компетенцию ребенком раннего возраста (13). Активное участие культурно-языкового контекста, речевых форм в идентификации личности подтверждает двунаправленное взаимовлияние языка и культуры. Не только культура воздействует на язык и аккумулируется в нем, но и сам язык воздействует на субъекта речи и, через него, на формирование коллективной ментальности. Определенное "навязывание" языком культурно-национального самосознания происходит постольку, поскольку носители языка осваивают и воспроизводят заключенную в языковых знаках культурную информацию.

Постулирование культурной информации в языковых единицах предполагает наличие категории, соотносящей две разные семиотические системы, а именно язык и культуру, и позволяющей описывать их взаимодействие. По мнению В.Н.Телия, базовым для лингвокультурологии является понятие культурной коннотации как способа воплощения культуры в языковой знак. Культурная коннотация определяется как "интерпретация денотативного или образно мотивированного, квазиденотативного, аспектов значения в категориях культуры" (19, с. 214). Под категориями культуры понимаются стереотипы, символы, эталоны, мифологемы и другие знаки национальной и общечеловеческой культуры, освоенной народом-носителем того или иного языка. Таким образом, коннотация является звеном, соединяющим знаки языка и концепты

культуры, и в то же время инструментом для изучения их взаимодействия. Такое взаимодействие, описываемое через категорию коннотации, прослеживается и в лексическом, и во фразеологическом пластах языка. При этом содержание коннотации не является в каждом случае обязательно неизменным: ее эволюция отображает способность языка воплощать смену культурно значимых для общества ориентиров (9). Например, в истории русского языка субстантив "товарищ" менял коннотацию несколько раз. Если в первой половине XIX в., в эпоху декабристов, это слово коннотировало интимно-личностные отношения друзей, разделяющих жизненные, в том числе политические, убеждения ("Товарищ! Верь, взойдет она - Звезда пленительного счастья!"), то позднее, в языке революционеров-разночинцев оно начинает коннотировать принадлежность к делу революции. В период господства социалистического строя слово обретает коннотацию "тот, кто разделяет социалистическую идеологию" (19). Смена коннотации слова "товарищ" может быть описана как смена культурно значимого смысла 'свой' в его семантике: сначала это 'свой' для узкого круга друзей, затем - для членов революционной организации, и, наконец, - для "новой общности людей": советского народа, и, шире, социалистического лагеря.

Помимо такого понимания коннотации, включающего в данный термин культурную информацию, эксплицируемую и через денотативный, и через образный аспекты значения, существует и другое определение, включающее в данную категорию только тот тип культурной маркированности, который характерен для переосмысленных языковых единиц.

Культурная информация может быть представлена в номинативных единицах языка четырьмя способами: через культурные семы, культурный фон, культурные концепты и коннотации.

Культурные семы — способ отображения культуры в лексемах и фразеологизмах, обозначающих идиоэтнические реалии (27; см. также 3). К единицам, содержащим культурные семы в своем значении, относятся наименования предметных реалий. Так, в эту группу входят субстантивы "лапти", "рожон" и фразеологизм "черная изба".

Культурный фон — характеристика лексем и фразеологизмов, обозначающих явления социальной жизни и исторические события. Этот тип культурной информации, как и первый, локализуется в

денотативном компоненте значения, однако, в отличие от него, имеет ярко выраженную идеологическую направленность. Примерами могут служить фразеологизмы "серп и молот", "британский лев" или лексема "красно-коричневые" - название, закрепившееся за сторонниками национал-патриотического движения в России 90-х годов.

К культурным концептам относятся имена абстрактных понятий, в семантике которых сигнификативный аспект преобладает над денотативным: они не имеют вещественной "опоры" во внеязыковой действительности в виде предметных реалий-денотатов. Их понятийное содержание "конструируется" носителями языка, исходя из характерной для каждой лингвокультурной общности системы ценностей, поэтому культурные концепты проявляют специфику языковой картины мира. Такие, например, субстантивы русского языка, как "тоска", "воля", "совесть", "правда", не имеют точных эквивалентов в английском языке, их корреляты совпадают с ними по смыслу лишь частично. Так, "воля" - это не ограниченная рамками законов и интересами другого человека свобода, поэтому абсолютного соответствия сигнификатов "воли" и английского *freedom* нет; аналогично, содержание "тоски" передается в английском через ряд слов, каждое из которых несет лишь часть смысла русского субстантива: *anguish* "боль", "страх в душе", "нехорошие предчувствия", *sorrow* "горе", "печаль", "скорбь", *grief* "горе", "печаль"

Культурно-национальная специфичность таких конструкторов в значительной степени выявляется через их устойчивую сочетаемость, которая фиксирует и воспроизводит наиболее важные для языковой картины мира "кванты" смысла культурных концептов (18-19; 27; 29-32; сравни 1).

Термин "культурная коннотация" в данной классификации типов культурной информации и способов ее воплощения в знаки языка закреплен за той ее разновидностью, которая характеризует образные языковые знаки. Культура проникает в них через ассоциативно-образные основания их семантики и интерпретируется через выявление связи образов со стереотипами, эталонами, символами, мифологемами, прототипическими ситуациями и другими знаками национальной и общечеловеческой культуры, освоенной лингвокультурной общностью (27; 30). Система образов, закрепленных в лексических и фразеологических единицах языка,

является местом средоточения, своего рода "нишей", аккумулирующей мировидение: образные основания так или иначе связаны с духовной, социальной и материальной типами культуры, хотя эта связь не всегда лежит на поверхности значения. Так, в устойчивом сочетании "совесть зазрила" на верхнем уровне семантики находится информация 'совесть представлена так, как если бы это был человек, который прежде не мог видеть, а затем обрел такую способность'. Однако выявление культурной коннотации предполагает соотнесение обоих компонентов фразеологизма и его идиоматичного смысла со знаками культуры. По христианским воззрениям, совесть — живое существо, и этот смысл эксплицирован в общем направлении метафоризации предиката: видеть может живое существо. Далее, в религиозном дискурсе общеязыковая ассоциация 'видеть — значит понимать' трактуется как 'способность различать добро и зло', 'знание истины, знание Бога есть вид зренья' (ср. библейское изречение "слепые ведут слепых" о тех, кто не знает, "как если бы не видит" истинного пути, ведущего к Богу). Кроме того, выбор церковнославянского глагола "зреть" также значим с точки зрения культурной маркированности фразеологизма: церковнославянский является особым языковым кодом, разработанным для обозначения богословских и морально-этических понятий в религиозной сфере.

Таким образом, в понятии "культурная коннотация" можно выделить следующие важные параметры. Во-первых, это единица семиотическая: она является связующим звеном между разными предметными областями и их семиотическими системами — языком и культурой. Через коннотации культура хранится в языке и через него, в свою очередь, транслируется из поколения в поколение, поэтому есть основания говорить об особой коннотативно-культурологической функции единиц языка, связывающей эти две системы в диахронном и в синхронном планах.

Во-вторых, культурная коннотация имеет свой "локус" воплощения в системе языка. Это определенный пласт языка, а именно образно мотивированные лексические и фразеологические единицы. Коннотация также имеет локализацию в определенном аспекте значения этих единиц — в образных основаниях этих единиц. В этом смысле культурная коннотация может быть названа знаковой категорией.

В-третьих, культурная коннотация представляет собой единицу операционального характера. Владение культурной коннотацией, т.е. умение интерпретировать образно мотивированные единицы языка через соотнесение их с категориями культуры формирует особый тип компетенции носителя языка, не сводимый к языковой компетенции. Этот тип компетенции был назван В.Н.Телия культурно-языковым (19). Формирование культурно-языковой компетенции основано на освоении носителем языка культуры через ее тексты — мифы, сказки и предания, религиозные и художественные тексты, а также и через неязыковые семиотические системы (живопись, театр, кино и др.).

Источники культурной интерпретации языковых единиц, в том виде, как они разработаны в (19), поддаются классификации на вербальные и невербальные. К невербальным относятся ритуальные формы народной культуры, такие как поверья. Так, в культурной коннотации идиомы "у черта на куличках" отображено поверье о том, что болото является местом обитания нечистой силы. К языковым источникам относятся не только тексты, составляющие философский и теософский дискурсы, исторические исследования и художественную литературу, но также и определенные типы языковых знаков. Это, например, паремиологический фонд языка, поскольку большинство пословиц представляют собой стереотипы и прескрипции народного самосознания. Это также характерные для данной лингвокультурной общности слова-символы, "замещающие" в языке те или иные идеи ("крест" — символ горькой судьбы, "рука" — символ власти), или устойчивые сравнения, содержащие в себе систему образов-эталонов повседневной картины мира ("стройная, как березка", "здоров, как бык", ср. "бычье здоровье", "глуп, как осел", "уперся, как осел", ср. "ослиное упрямство", "ослиная глупость").

Помимо умения найти релевантные для каждого конкретного случая источники интерпретации знаков языка в категориях культуры, культурно-языковая компетенция предполагает умение идентифицировать культурно маркированные лексемы и фразеологизмы как элементы определенных коллективных речевых стратегий.

Среди лексических единиц, и особенно фразеологизмов, множество таких, которые возникают или регулярно воспроизводятся в определенном типе дискурса. Например, "праведный гнев", "сатанинская гордость", "Божья воля" — в религиозном,

"романтическая любовь", "первая любовь", "элегическая грусть" - в литературном, "чувство законной гордости", "воля партии (и народа)" — в официально-идеологическом советском дискурсе. Данные словосочетания являются устойчивыми и могут служить маркерами, включающими текст, в котором они фигурируют, в тот или иной дискурс. Поэтому их можно назвать стереотипами дискурса, воплощающими в себе коллективное лингвокультурное сознание. О ряде стереотипов дискурса, особенно официально-идеологического, можно сказать, что они имеют институциональное закрепление, т.е. используются в определенных ситуациях определенными государственными или социальными институтами. Например, "(выполнять) интернациональный долг" в дискурсе советской партийно-государственной и военной "машины" или "смерть вырвала из наших рядов" как стереотип официального некролога.

Однако среди фразеологизмов и речений существует и ряд клише обыденной речи, кодирующих для носителей языка "голос здравого смысла", как, например, "какими судьбами", "волею судеб", "не гневи судьбу", "воображение разыгралось", "лень-матушка заедает". Эти формулы обыденной речи используются с определенными интенциями в определенных речевых актах для выражения удивления при неожиданной встрече, укора за необоснованные, с точки зрения говорящего, жалобы или за поведение, "саморазоблачения" и т.д. (15). Таким образом, вовлеченность единиц языка в тот или иной тип дискурса маркирует устойчивые, идиоматичные словосочетания и по этому принципу противопоставляет их свободным словосочетаниям, характеризующимся как индивидуальные.

Лингвокультурология как дисциплина, изучающая взаимосвязи и взаимовлияния языка и культуры, фокусирует свои исследования на образных и фразеологических единицах языка. Именно система образов, закрепленных в языковой семантике, является зоной сосредоточения культурной информации в естественном человеческом языке (19).

В этом плане можно выделить три основных направления анализа: метафора и культурная коннотация, фразеология и культурная коннотация, идиоматика (как особый тип фразеологии) и культурная коннотация. Относительная самостоятельность каждого из этих трех пластов языка в общей проблематике лингвокультурологии базируется на различии их языковой природы и способов воплощения в них культуры. 38

Способность языковой метафоры выражать мировидение и, соответственно, ее культурная маркированность основаны на связи ее образного основания с категориями культуры - символами, стереотипами, эталонами, мифологемами и прототипическими ситуациями. Метафора оказывается нагруженной культурными коннотациями и в случаях, когда она функционирует в языке как самостоятельная единица, и тогда, когда она выступает как связанный компонент устойчивого словосочетания.

Так, в разных языках есть свой "инвентарь" экспрессивных метафор, характеризующих человека через аллюзию к животным, причем содержание образов в разных национальных языках и ареалах культуры значительно различается, хотя может и частично совпадать. Например, для носителей русского языка "осел" коннотирует свойства глупости и глупого упрямства, что получает воплощение не только в предикативной функции экспрессивной метафоры (высказывания типа "Он - настоящий / просто осел", "Ну и осел!"), но также и в идиоматике: устойчивых словосочетаниях и сравнениях, в пословицах, как, например, "ослиное упрямство", "ослиная глупость", "глуп, как осел", "Осел на осле, дурак на дураке" и т.д. В английском языке носителем аналогичных свойств выступает "мул" *mule*: *mulish stubbornness* "упрямство мула". "Обезьяна" в русском языке коннотирует мужскую некрасивость (ср. "норму") внешности мужчины, выраженную в речении "Мужчина должен быть чуть красивей обезьяны"), в то время как во французском - это языковой образ не только уродства (*laid comme un singe* букв. "уродливый как обезьяна"), но и хитрости, лукавства, способности обмануть (*malin comme un singe* букв. "хитрый, лукавый как обезьяна", *payer en monnaie de singe* букв. "отплатить деньгами обезьяны", т.е. "обмануть", "отделаться шуточками"). В английском языке *monkey, to monkey* букв. "обезьянничать" - образ шаловливого надоедливового ребенка и детских проказ (*The boys were monkeying about in the playground* "Мальчики шалили (букв. "обезьянничали") на площадке для игр"). Известно также, насколько образы животных, бытующие в восточном ареале культуры, отличны от содержания тех же денотатов в языках Европы. Так, змея на Востоке - эталон мудрости или женского изящества, верблюды - эталон красоты.

Эти зоонимические метафоры представляют собой образы-эталон в обиходной языковой картине мира. Они основаны на характерологической подмене свойства человека представителем

животного мира, имя которого становится знаком некоторого свойства, доминирующего в данном животном, с точки зрения обиходного опыта народа. Поэтому об инвентаре "животных" метафор можно говорить как о таксонах, а именно эталонах культуры, презентующих заданное в языке мировидение (19). В роли эталонов могут выступать не только животные, но и другие явления природы, а также явления и ситуации повседневной жизни, как, например, "бревно", "пень" - эталон глупости, "вулкан" — взрывного темперамента, "сарай" и "конюшня" — неуютного, грязного жилья. Все, что окружает человека в мире как часть его повседневной жизни, соотносится им с позиций антропоцентризма с его внутренним миром и условиями существования (18). Эти реалии наделяются смыслом в системе ценностных ориентации лингвокультурной общности как символы, эталоны, стереотипы, а их языковые имена становятся знаками, кодирующими данные представления в языковой картине мира.

Чаще всего метафора выполняет свою роль языкового образа не в качестве самостоятельной лексической единицы, а в составе устойчивого словосочетания при опоре на семантически ведущий компонент. При этом семантически ведущий компонент, обычно выступающий в прямом значении, обеспечивает референцию на предмет окружающего мира или "непредметную" сущность, а связанный компонент означает через метафорический образ какой-либо параметр его денотата или сигнификата. Так, "луч надежды" и "капля жалости" имеют в качестве доминантного смысла, соответственно, "квант" и "малая часть"; "талант вянет" — смысл 'деградирует', "больные фантазии" в самом общем виде означают 'плохие, отклоняющиеся от "нормы" со знаком "минус"'. Воспроизведение одних и тех же смысловых параметров (при различии способов их выражения) метафорами, выступающими в роли связанных компонентов устойчивых словосочетаний, делает данный класс фразеологизмов структурно-семантически регулярным. Они поддаются семантизации, например, через систему лексических функций, разработанных И.Мельчуком и А.Жолковским для прямых значений лексических единиц в комбинаторике (28; см. также 12). Может быть предложена и другая модель экспликации семантической регулярности смыслов, привносимых метафорой в устойчивые словосочетания (31), однако семантический подход сам по себе не способен выявить культурную маркированность устойчивых

словосочетаний и объяснить роль образного связанного компонента в создании этой маркированности.

Особенно сказанное касается тех устойчивых словосочетаний, в которых в качестве семантически ведущего слова выступают "непредметные" имена, т.е. наименования внутреннего мира человека — его психологических, интеллектуальных и моральных качеств, эмоций, обозначения его отношений с людьми, а также морально-этических и социальных понятий. В значении таких субстантивов, к которым относятся, например, "жизнь", "смерть", "родина", "мысль", "воля", "талант", "тоска", "инстинкт", сигнификативный компонент значительно преобладает над денотативным. Их семантика создается не признаками денотата, так как они не имеют во внеязыковой действительности соответствующих им предметных референтов или классов референтов — денотатов, но "конструируется" когнитивно и культурно значимыми интерпретациями членов языкового коллектива. Фоновые знания, пресуппозиции, место и роль обозначаемого явления в системе ценностных ориентации играют ведущую роль в формировании плана содержания этих единиц языка, которые воплощают, по Н.Д.Арутюновой, концепты культуры (1; 30).

Исследование образуемых ими в языке устойчивых словосочетаний показывает, что их концептуализация происходит в значительной степени именно через фразеологизмы, отбирающие и фиксирующие в форме устойчивых и воспроизводимых языковых единиц наиболее важные, с точки зрения данной лингвокультурной общности, признаки концепта.

Так, устойчивая сочетаемость субстантива "лень" в русском языке демонстрирует, что у этого концепта как бы два "лица". Первое отображено во фразеологизмах: "тупая лень", "тяжелая лень", "дикая лень", "неискоренимая лень", "беспробудная лень", "губительная лень", "чудовищная лень"; такая лень действует как враждебная сила: она "одолевает, овладевает, заедает, сковывает", в нее "впадают", ее "искореняют", "пожинают плоды лени" (обычно - дурные). Однако, наряду с ленью-враждебной и трудноодолимой силой, существует совершенно другая концептуализация, в которой "лень" предстает как: "сладкая, томная, задумчивая", некто или нечто приятное такую лень "навевает"; ср. также у О.Э.Мандельштама "... и золотая лень из тростника извлечь богатство целой ноты" (31).

Думается, что два таких разных, во многом противоположных способа концептуализации, каждый из которых поддерживается рядом фразеологизмов, интерпретируется через культурные коннотации, т.е. через обращение к эталонам, стереотипам культуры и прототипическим ситуациям. В первом случае концепт "лень" соотносится с обиходной системой ценностей народа, в котором труд расценивается как добродетель, а лень, леность - как порок. Эта установка культуры в прямом виде выражена в библейском изречении, предписывавшем человеку "добывать свой хлеб в поте лица", в пословице "кто не работает, тот не ест" и т.д. С этой позиции лень описывается, как враждебная сила, которая нападает на свою жертву, лишает способности двигаться, вгоняет в сон; сон, неподвижность есть подобие смерти, ее разновидность в мифологической семантике (22).

С другой стороны, "приятная" лень соотносится для носителей русского языка с романтическим дискурсом, в котором разрабатывалась бытовавшая в европейской культуре романтизма установка: поэт, человек искусства должен быть свободен от каждодневного труда и от службы, так как он - существо избранное, подвластное лишь вдохновенью. Думается, наиболее известное носителям русского языка изречение, выражающее данную точку зрения, — это пушкинские слова, приписанные Моцарту в "Моцарте и Сальери": "Нас мало избранных, счастливыхцев праздных"; ср. также образ ленивца А.Дельвига, созданный им самим и кругом поэтов-друзей (пушкинские "Проснись, ленивец сонный!" и "сын лени вдохновенный", обращенные к Дельвигу), стихи П.А.Вяземского, воспевавшего свой халат как символ домашнего уюта и независимости от государственной службы — условия поэтического вдохновения.

Образы, привносимые в устойчивые словосочетания связанными компонентами, в том числе и "стершиеся" метафоры, создают особый тип регулярности, основанной на ассоциативно-парадигматических отношениях. Этот термин, введенный В.Н.Телия (19), означает, что сходная образная мотивированность прослеживается не только в сочетаемости одного базового слова, но и связывает концепты, относящиеся к одному или близким идеографическим полям.

Ассоциативно-парадигматические связи в устойчивых словосочетаниях, обозначающих концепты культуры, интерпретируются через коннотации. Так, образная мотивация

словосочетаний "страх, ужас, тоска, зло берет, охватывает" объясняется через другой ряд: ("побороть, подавить, одолеть (в себе) страх, ужас, тоску, зло" Оба ряда восходят к анимистическим мифологическим представлениям, согласно которым чувства — это враждебные человеку живые существа, возможно, чужие боги (24-25), которые проявляют по отношению к человеку агрессию и с которыми ему приходится бороться.

Ассоциативно-парадигматические связи помогают выявить общую базовую метафору в тех случаях, когда в какой-то части словосочетаний одного концепта эта метафора присутствует имплицитно. В подобных ситуациях проявляется еще одна закономерность: экспликация культурной информации требует соотнесения исследуемого словосочетания с массивом образных единиц и фразеологизмов русского языка — с пословицами, идиомами, речевыми формулами. Например, в концептуализации "инстинкта" через устойчивые словосочетания прослеживается "животная" метафора, выступающая в явном виде во фразеологизмах: "звериный, животный, стадный инстинкт". Та же метафора обнаруживается в другой группе словосочетаний: "инстинкт толпы" (ср. "стадо" — о народе или "массе", презираемых как объект манипуляций), "инстинкты проснулись", "разбудить, пробудить (в ком) инстинкты" (ср. поговорку "не буди во мне зверя") (29). Таким образом, ассоциативно-парадигматические отношения, характеризующие устойчивые словосочетания как класс фразеологизмов, обнаруживают, на фоне образной мотивации, сближение разных культурных конструкторов в языковой картине мира. Данный тип также вводит в контекст регулярности разряды "индивидуальных" фразеологических единиц — идиом, пословиц и поговорок.

Важнейшим источником культурной маркированности устойчивых словосочетаний является их вовлеченность в определенный тип дискурса. В этом разряде фразеологизмов обнаруживается множество единиц, возникших или воспроизводимых в том или ином типе дискурса, как, например, "праведный гнев" и "воля Божия" - в религиозном, "шекспировские страсти", "элегическая грусть", "романтическая любовь" — в литературном, "чувство законной гордости" — в официально-идеологическом (15; 19).

Вовлеченность словосочетания в определенный дискурс способна и сама по себе, без поддержки образа, обуславливать

воспроизводимость и устойчивость. Если подобные словосочетания находят поддержку в других дискурсах или стереотипах культуры, другими словами, если они достаточно разработаны в культуре, есть основания говорить о них как о культурно связанных. Так, например, для носителей русского языка культурно связанным оказывается словосочетание "материнская забота", коннотирующее архетипический образ матери как символа любви и доброты по отношению к детям. Этот архетип постоянно воспроизводится в фольклоре, где он часто выражен через оппозицию "добрая мать" vs. "злая мачеха". Образ заботливой матери поддерживается также рядом других фразеологизмов и пословиц русского языка, как, например, "не знать материнской заботы" или "маменькин сынок". Характерно, что архетип отца не имеет соответствующих коррелятов в дискурсах и в системе русского языка, поэтому словосочетание "отцовская забота" является скорее свободным, нежели устойчивым, а словосочетание "папенькин сынок" не употребляется для выражения аналогичного смысла. Зато в итальянском языке выражение, буквально переводимое на русский как "папин сын" *figlio di papà* используется для обозначения концепта, соответствующего русскому "маменькиному сынку" (24).

Таким образом, фактор культурной связанности компонентов словосочетания может обуславливать устойчивость и воспроизводимость. Двумя важнейшими характеристиками культурно связанных устойчивых словосочетаний являются их вовлеченность в определенный дискурс (в котором они возникли или воспроизводятся) и, через такую отнесенность, актуализация некоей свойственной носителям языка особой точки зрения на обозначаемое (там же).

В отличие от устойчивых словосочетаний, идиомы представляют собой класс "индивидуальных" фразеологизмов — они не формируют структурных фразообразовательных парадигм по заданной "матрице" смыслов. Вместе с тем, идиомы представляют собой ядро фразеологии, так как они оказываются полностью переосмысленными сочетаниями слов и вследствие этого эквивалентны слову по своей номинативной функции. Типичность обиходно-бытовых ситуаций, отображенных в идиомах, стереотипный или "эталонный" характер их образных оснований делают их знаками языка культуры: они сами обретают стереотипное, эталонное или символическое прочтение (6; 21). Так, идиомы русского

языка "под носом", "под рукой", "под боком" воплощают эмпирический эталон очень близкого пространства через указание на его "соматическую" достижимость. При этом сами субстантивы "рука", "бок", "нос" вне идиом не кодируют смысл 'очень близко' (19). К идиоматике, как и к другим фразеологическим единицам языка, вполне относится постулат о том, что их культурная знаковость выявляется только на достаточно больших идеографических массивах, таких как, например, "ум — глупость", "свойства личности", "пространство" и т.д. При этом необходимо отметить, что образы, используемые идиомами, относящимися к одному идеографическому полю, могут быть очень далеки друг от друга. Так, "глупость" обозначается не только через идиомы, включающие наименования головы и ее "наполнения" (как "ума палата", "голова садовая", "куриные мозги), но и фразеологизмы "не все дома", "крыша поехала", "глуп, как сивый мерин" (7-8).

Такие характеристики идиом требуют разработки особого подхода к ним при лингвокультурологическом анализе и лексикографическом описании.

В этих целях был разработан макет исследования и описания идиом, базирующийся на понимании этого класса единиц языка как свернутых текстов (микротекстов). Соответственно, в их плане содержания были выделены различные блоки информации, охватывающие объективное и "субъективное" содержание сигнификата: денотацию, оценку, мотивацию, эмотивность и стилистическую маркированность (7; 10; 14). Правильное употребление идиом в речи возможно лишь при условии знания всех этих составляющих сигнификата плюс, как производного от них, знания ситуаций, в которых та или иная идиома может быть использована.

Принципы описания, базирующиеся на этих разработках, были применены в "Словаре образных выражений русского языка" (14). В словарь включено около 1000 идиом, продуктивно используемых в современном обиходно-бытовом и общественно-политическом языке. Словарь построен по идеографическому принципу: в нем выделено 16 тематических полей, характеризующих внешние и внутренние свойства человека, его деятельность, поведение, эмоции, интеллектуальные способности, социальное положение, а также концептуализация через идиоматику категорий "пространство", "время" и "мера". Описание значения идиом в словаре имеет три

зоны: 1) дефиниция, т.е. толкование самого значения, 2) смысловое подтолковывание, описывающее блоки значения, связанные с образным основанием, и 3) указание на типовые ситуации, в которых идиома может употребляться. Так, например, идиома "заваривать" / заварить кашу" получает следующее толкование: "Создавать своими действиями неожиданно сложную и неприятную ситуацию (говорится с неодобрением). Подразумевается ситуация, в которую вовлечено большое количество людей. Часто имеются в виду необдуманные, неверные действия. Речевой стандарт, кто - лицо, группа лиц" (там же, с.248).

Разработанный способ описания делает "Словарь образных выражений..." словарем активного типа: он стремится обеспечить, через толкование значения, отсылку к ситуации и информацию о стилистическом регистре, адекватное использование идиом в речи,

В настоящее время в семинаре разрабатывается модель словарного описания устойчивых словосочетаний русского языка, включая зону культурного комментария. В общем виде процедура лингвокультурологического анализа этого класса фразеологизмов включает следующие этапы: 1) толкование образного или культурно связанного компонента, словосочетания; 2) экспликацию его связи с базовой метафорой и с другими фразеологизмами, использующими данную базовую метафору; 3) соотнесение сигнификата словосочетания с категориями культуры — стереотипами, эталонами, символами, мифологемами и т.д., через представленные в вербальном и невербальных кодах устойчивые и воспроизводимые знаки; 4) определение роли фразеологизма как культурного знака в мировосприятии лингвокультурной общности или ее определенной группы (30). На всех этапах анализа большую роль играет установление дискурса, в котором концепт, обозначаемый словосочетанием, возник и разрабатывается.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Образ: Опыт концептуального анализа // Референция и проблемы текстообразования. — М., 1988. — С. 11-23.
2. Вейсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа. - М., 1993. - 223 с.
3. Верещагин Е. М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. - М., 1980.-320 с.
4. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. - М., 1984. - С. 37-298.

5. Демьянков В.З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ. — М., 1989. — 172 с.
6. Кабакова С.В. Идиомы как "коллективные представления" // Семантика языковых единиц: Докл. 4-й междунар. конф. - М., 1994. — Ч. 2. — С. 36-38.
7. Ковшова М.Л. Культурно-национальная специфика фразеологических единиц: Когнитивные аспекты: Автореф. дис. ...канд. филол. наук / Ин-т языкознания. РАН.-М., 1996.- 22 с.
8. Ковшова М.Л. "Ум" и "голова" как ключевые слова в составе фразеологических единиц: Опыт сравнения // Прагматика. Семантика. Грамматика: Материалы конф. науч. сотрудников и аспирантов. — М., 1993. — С. 60-63.
9. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII - нач. XIX века). - СПб., 1994. - 399с.
10. Макет словарной статьи для автоматизированного толково-идеографического словаря русских фразеологизмов: Образцы словар. статей. -М., 1991.-112с.
11. Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. — М., 1993.— 188с.
12. Опарина Е.О. Концептуальная метафора // Метафора в языке и тексте — М., 1988.-С 65-77.
13. Опарина Е.О., Сандомирская И.И. Фразеология и коллективная культурная идентичность // Profilowanie w jezyku i w tekscie. — Lublin, 1998. — S. 373-379. 14. Словарь образных выражений русского языка / Аристова Т.С.,) Ковшова М.Л., Рысева Е.А. и др.; Под ред. Телия В.Н. - М., 1995. - 368 с.
15. Словарь устойчивых словосочетаний русского языка: Мир человека / Телия В.Н., Брагина Н.Г., Опарина Е.О., Сандомирская И.И. // Словарь и культура: Материалы междунар. конф. (Москва, ноябрь, 1995). - М., 1995. - С. 106-108.
16. Степанов Ю.С. Константы: Словарь рус. культуры. Опыт исследования. — М., 1997.-824 с.
17. Телия В.Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов: От мировидения к миропониманию // Славянское языкознание: Докл. рос. делегации. -М., 1993.-С. 302-314.
18. Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. — М., 1988. — С. 26-52.
19. Телия В.Н. Русская фразеология.: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М., 1996. — 288 с.
20. Толстой И.И. О предмете этнолингвистики и ее роли в изучении языка и этноса // Ареальные исследования в языкознании и этнографии: Язык и этнос. — Л., 1983. — С 181-190.
21. Феоктистова А. Б. Роль образного основания в формировании семантики и прагматики идиом и его

функции. На материале идиом, обозначающих чувства // семантика языковых единиц: Докл. 4-й междунар. конф. - М., 1994. - Ч. 2. - С. 82-86.

22. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. - М., 1997 - 448 с.

23. Черданцева Т.З. Идиоматика и культура: Постановка вопроса // Вопр. языкознания. - М., 1996. - № 1. - С. 58-70.

24. Bragina N. Restricted collocations: Cultural boundness // Euralex'96: Proceedings. - Göteborg, 1996. - Pt 1. - P. 199-207.

25. Bragina N. Restricted collocations from cultural viewpoint // 3rd International symposium on phraseology (ISP - 3): Proceedings. - Stuttgart, 1998. - P. 21-31.

26. Bartminsky J.O. profilowaniu pojec w slowniku etnolingwistycznym // Profilowanie pojec: Wyborprac. - Lublin, 1993. - S 7-12.

27. Lexical collocations: Denominative a, cognitive aspects // Telia V., Bragina N., Oparina E., Sandomirskaya I. // Euralex'94: Proceedings. - Amsterdam, 1994. - P. 369-377.
28. Mel'chuk I., Zholkovski A. Explanatory combinatorial dictionary of modern Russian. -Wien, 1984.-992 p.
29. Oparina E. Associative-paradigmatic relations in restricted collocations // 3rd International symposium on phraseology (ISP — 3): Proceedings. — Stuttgart, 1998. -P.195-199.
30. Phraseology as a language of culture: Its role in the reproduction of cultural mentality / Telia V., Bragina N., Oparina E., Sandomirskaya I. // Phraseology : Theory, analysis, a application. - Oxford, 1998. - P. 55-75.
31. Sandomirskaya I., Oparina E. Russian restricted collocations: An attempt of frame approach // Euralex'96: Proceedings. - Goteborg, 1996. - P. 273-282.
32. Sandomirskaya I. Phraseology and ideology: Collocations as lexicalised ideologies // 3rd International symposium on phraseology (ISP — 3): Proceedings. — Stuttgart, 1998 -P.200-211.

Е.О. Опарина